ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Малышева Александра Сергеевича «Жилища и домашние хозяйства бохайцев Приморья», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3 – Археология (исторические науки)

Автор диссертации, обращаясь к теме изучения бохайских домохозяйств Приморья, одним из аргументов её актуальности считает продолжение линии подобных исследований, имевших место для эпохи неолита и раннего железного века этого региона. Теоретическое обоснование данного направления А.С. Малышев увязывает с экономической структурой общества, которая во многом определяет её остальные параметры. Он поддерживает сложившее мнение о том, что экономическая система, материальная и социальная культуры людей имеют адаптивный характер по отношению к окружающей среде. С точки зрения археологической науки, исследования этих направлений напрямую связаны как с раскопками жилищ и окружающей их зоны хозяйственного освоения (домохозяйства), так и изучения сопредельных пространств поселений, которые они образуют. Понятие «домохозяйство» А.С. Малышев в своей работе считает наименьшей социально-экономической и репродуктивной единицей (с. 4). Однако часто из-за отсутствия соответствующей инфраструктуры таковым может быть только жилище, которое всегда является ядром домохозяйства.

Учитывая, что в диссертации анализируются жилища и домохозяйства государства Бохай, автор совершенно справедливо отмечает определенное «влияние государственного аппарата на хозяйственную деятельность населения» (с. 5) через налоги. Сюда же можно добавить общественные работы и воинскую повинность.

По мнению А.С. Малышева, бохайские жилища и поселения Приморья являются *объектом* исследования, а *предметом* – хозяйственно-производственная специфика и динамика домохозяйств. На наш взгляд,

именно материалы жилых комплексов как предмет показывают, какие свойства объекта изучаются, или какая проблема решается. В данном случае, это – динамика домохозяйств. Впрочем, на этот счет существуют разные мнения: все зависит от приоритета у исследователя в решении конкретных целей и задач.

В диссертации *цель работы* в целом определена корректно как воссоздание системного развития во времени домохозяйств приморских бохайцев. Для её реконструкции автором поставлены исследовательские задачи, решение которых последовательно представлено в трех главах диссертационной работы.

Территориальные рамки работы А.С. Малышевым обозначены как часть юга Приморья, которая определена по распространению бохайских археологических памятников в рамках установленных к данному моменту государственных границ Бохая. Автор также упоминает о том, что бохайцы селились в нескольких экономических районах Приморья, часть которых выходит за современные государственные границы, поэтому в работе использованы сведения из раскопок поселений бассейна р. Раздольной (Суйфун) в Китае. Если исходить из территории Бохая, то это его северо-восточные земли к востоку от Восточной столицы Лунъюаньфу (совр. городище Баляньчэн в Китае). И только из главы 3 становится понятно, что бохайцы в Приморье были мигрантами, которые постепенно осваивали не пустые с этнокультурной точки зрения земли (с. 162). Эту информацию можно было изложить в подразделе «территориальные рамки», чтобы показать, что выбранный для исследования географический регион ограничивается не только распространением поселений и городищ бохайцев, но и является вновь приобретенными ими землями с постепенным расширением границ. Не исключаю, что автор работы этот момент имел в виду как хорошо известный факт, потому не стал заострять на нем внимание.

В диссертации *методологической основой* является экологическая парадигма в ее антропоцентрической форме, т.е. в виде деятельности

«человека в контексте окружающей среды как ресурсной базы» (с. 7). На практике, это деятельность домохозяйств как «базовой социально-экономической ячейки социумов…» (с. 7). В свою очередь, она в археологии ограничена изучением артефактов, планиграфии, стратиграфии жилищ и зон хозяйственного освоения как вокруг него, так и в пределах поселения и окружающего его ландшафта. Таким образом, А.С. Малышев прекрасно осознает, что дискретность археологического материала диктует необходимость системного к нему подхода на основе мультидисциплинарного изучения. Это мы и наблюдаем в его работе.

Согласно данным автора, в основу диссертации легли материалы 17 жилищных комплексов разной сохранности, 92 жилищ и более сотни хозяйственных сооружений (дворовые постройки и ямы различного назначения). Обращаю его внимание на имеющееся некоторое расхождение между списками археологических памятников, которые приведены во введении (с. 9) и в легенде к карте на рис. 1.1 (с. 214). В диссертации А.С. Малышев для обозначения не укрепленных поселенческих объектов использует термины «поселение» и «сéлище». Предположу, что для него это синонимы. Так, на с. 178 памятник Константиновское I обозначен как поселение, а на карте на рис. 1.1. – как сéлище. Термин «сéлище», столь характерный для восточноевропейской археологии, в последние десятилетия вошел в отчетную документацию археологов Сибири и Дальнего Востока, хотя в классификациях археологических объектов и в публикациях чаще используется термин «поселение».

Научную новизну своего исследования А.С. Малышев, исходя из анализа материалов поселенческих археологических памятников, в целом видит в определении *механизма адаптации* бохайского населения к природным условиям в разных агроклиматических районах Приморья. На наш взгляд, степень процесса адаптации во многом зависела от природно-климатических условий мест, *откуда* пришли мигранты, их хозяйственной обеспеченности, наличием технических знаний своей эпохи, наконец, от характера контактов

с аборигенным населением на новых территориях. В определенном смысле эти проблемы частично прописаны автором в «положениях, выносимых на защиту». За исключением культурной взаимосвязи с местным населением.

В *первой главе* А.С. Малышев рассматривает сложный с точки зрения большого объема исследований историографический вопрос, относящийся к изучению домохозяйств в отечественной и зарубежной археологии. Основные «вехи» отечественного изучения жилищных комплексов автор условно рассматривает в рамках советской и российской археологии (с. 15), прекрасно понимая, что последняя является наследницей первой, но обогащенной новейшими методами научно-технического оснащения и прогресса в мультидисциплинарном подходе.

По его замечанию, проведенный «анализ истории изучения жилищ во многом схематичен», но такой подход позволяет ему установить ключевые моменты в истории их изучения через определенный им для этого список публикаций. С одной стороны, несколько настораживает, по сути, субъективный подход автора в выборе литературы для определения ключевых изменений в исследовании домохозяйств. С другой – он не позволил А.С. Малышеву «увязнуть» в объеме работ на эту тему, накопленном за последние 100 лет.

Говоря более подробно об истории изучения бохайских жилищных комплексов в Приморье, автор обращается также к результатам исследований жилищ как предшествующего времени (кроуновской, ольгинской культур, т.н. польцевской культурной общности), синхронной мохэской культуры, так и последующего чжурчжэньского периода. Тем самым он показывает преемственность в изучении домостроительства указанных эпох.

Что касается исследования домохозяйств в зарубежной археологии, то А.С. Малышев рассматривает их тезисно, разбив его более чем 60-летнию историю примерно на десятилетние отрезки. Ее начало автор видит с момента развития направления процессуализма, или новой археологии, в конце 1950-х – 1960-е гг. в англо-американской науке (Л. Бинфорд, Д. Кларк,

К. Ренфрю) и более позднего постпроцессуализма (И. Ходдер). Вывод А.С. Малышева о том, что эти два направления в исследовании домохозяйств сосуществуют, раскрывая их разные аспекты (с. 38), вполне закономерен. Наверное, чтобы понять, зачем автору понадобилось включить этот сюжет в диссертацию, нужно заметить, что т.н. новая археология была нова для зарубежных археологов, но не была таковой для советских исследователей. Достаточно посмотреть монографические работы М.П. Грязнова, А.П. Окладникова, С.В. Киселева, А.Н. Берштама, Б.Б. Пиотровского и многих др., вышедшие до 1960-х гг., чтобы понять, что в ключе «процессуализма» вкупе с «постпроцессуализмом» такие исследования велись достаточно успешно, основываясь на марксистско-ленинской теории исторического процесса. Примерно об этом А.С. Малышев пишет только в конце раздела «Методика исследования» главы 1 (с. 51).

В заключение этого же раздела автор перечисляет этапы взаимодействия между бохайскими домохозяйствами с окружающей средой через призму материальной культуры. По сути, он задает схему работы с археологическим материалом домохозяйств от его описания до реконструкции адаптации населения к природно-климатическим зонам Приморья, палеодемографии, вовлеченности в деятельность государства Бохай.

Описание жилищных комплексов *во второй главе* А.С. Малышев предваряет географической характеристикой территории Приморья, причем в современном её состоянии. И если рельеф, гидрографию, в какой-то мере флору и фауну еще можно экстраполировать на раннее Средневековье, то климат и связанные с ним агроклиматические ресурсы могут быть рассмотрены довольно условно. Очевидно, именно в этой части главы 2 можно было сосредоточить краткую обобщающую информацию о раннесредневековом климате, полученной на основе палинологических и палеоботанических анализов образцов грунта из раскопанных бохайских жилищ. Правда, в разделе 1.3. главы 1 «Методика исследования» есть информация о том, что существование государства Бохай в Приморье

совпадает со средневековым климатическим оптимумом, в котором выделяются три этапа, когда климат меняется с сухого на более влажный и снова на сухой (с. 40–41). Тем не менее, при описании четырех экономических районов Приморья, где сосредоточены исследуемые бохайские поселения и городища, им дается современная природно-климатическая обстановка.

Основная информация о поселениях, городищах, раскопанных жилищах и других сооружениях сосредоточена в разделах 2.3–2.6. Здесь А.С. Малышев в одном ключе описывает 14 поселенческих комплексов с бохайскими материалами в Приморье и два в долине р. Раздольной в Китае. Не на всех памятниках, несмотря на наличие исследованных бохайских жилищ, удалось выделить домохозяйства. Известные по раскопкам объекты предположительно хозяйственного назначения автор предлагает рассматривать как наземные и заглубленные постройки. Они предполагаются как производственные площадки и хранилища. Хозяйственные ямы округлой формы могут быть связаны с хранением продуктов и инструментария, являться столбовыми или мусорными (см. напр. с. 70, 100). *Колодец* как элемент бохайского домохозяйства в Приморье встречен только на территории храмового комплекса Краскинского городища. На китайской территории Бохая колодцы раскопаны на поселении Силиньхэ, на городищах Дунцзинчэн и Сигучэн. Их, видимо, можно считать устойчивой частью инфраструктуры бохайских поселенческих комплексов. В остальных случаях водоснабжение, видимо, могло осуществляться из близлежащих источников пресной воды или из специальных водосборников. Данная проблема в диссертации не рассматривается.

Одним из результатов характеристики археологического материала жилищных комплексов стало определение *общего и особенного* в устройстве как жилищ, так и хозяйственных построек. А.С. Малышев выделяет две группы жилищ: полуземлянки с очагом и жилища с каном Г- и П-образной формы. В первой группе общим является небольшая площадь и очаг,

особенным, индивидуальным – нюансы каркасно-столбовой конструкции. Автор согласен с мнением исследователей таких жилищ о том, что это могли быть временные постройки начального освоения бохайцами Приморья (с. 117, 148). Однако не исключена и другая версия этого явления. Может дело в сложностях их обогрева в холодный сезон года? Очевидно, одним из общих направлений деятельности всех домохозяйств была заготовка топлива вообще, и сезонная на зиму, в частности.

Общим для домохозяйств А.С. Малышев считает наличие у них ям для хранения зерна, а отличием использование для облицовки их стен глины, дерева и камня. Данный вывод по разным причинам сделан на материалах только 17 домохозяйств, которые удалось выделить из более чем 90 исследованных бохайских жилищ (с. 121). Несомненно, такой способ сохранения имеет многовековую традицию у разных народов дальневосточного региона. Так, еще в XVII в. дауры Западного Приамурья, зерно хранили в ямах на полях и в жилищах, что было отмечено в отписках русских землепроходцев.

Экономическая деятельность бохайских домохозяйств А.С. Малышевым рассмотрена в *третьей* главе через их жизнеобеспечение в рамках четырех экономических районов. В результате был сделан вывод, что общим для населения этих районов было земледелие, в основном в его грядковой форме. Особенности других видов деятельности (животноводство, рыболовство, добыча речных и морских моллюсков, охота, сбор дикоросов), которые в большей или меньшей степени обеспечивали население продуктами, зависели от специфики природно-ландшафтных условий экономических районов.

Хочу обратить внимание автора на один момент относительно сбора морских моллюсков. Их раковины обнаружены на городищах Краскинском и Николаевском I, II, а также на пос. Чернятино-2 и Константиновское I (с. 322, табл. 3.1). Если в отношении доставки их на Краскинское городище проблем нет, т.к. оно стоит на берегу бухты, то транспортировка морских моллюсков

в район расположения других поселений довольна проблематична. До них от ближайшего морского берега более 70 (Николаевское I, II) и больше 90 км (Чернятино-2, Константиновское I). Для гужевого транспорта, запряженного волами это 3–4 дня пути, для повозки с лошадьми 3–5 дней. Моллюски в принципе могут обходиться без морской воды от нескольких суток до 2 недель в зависимости от вида и охлаждения до температуры +5°С. Но согласно данным автора, представленной на диаграмме рис. 3.15 (с. 283), их вылов происходил в летнее время, а мобильные ле́дники у бохайцев пока не известны. Вероятна перевозка моллюсков в морской воде, но она требовала наличия деревянных или кожаных ёмкостей. Таким образом, логистика моллюсков вглубь территории была рискованной с точки зрения сохранения качества товара, а главное, был ли востребован этот деликатес населением отдаленных поселений (о не высоком уровне благосостояния см. на с. 148–149). Не исключено, что присутствие морских раковин на континентальных поселениях связано не с употреблением их в пищу, а, скорее, с использованием как украшений, поделочного материала или оригинальной порционной посуды.

Изложенный выше сюжет является только частью проблемы сохранения скоропортящихся продуктов, особенно в теплое время года. Возможно, для этого в земляных стенах котлованов жилищ сооружались ниши (полки), а на придомовой территории погреба. На пос. Чернятино-2 исследована хозяйственная яма, в которой было много рыбьих костей. Авторы раскопок Ю.Г. Никитин и Чжун Сук-бэ предположили, что это было место временного хранения рыбы, пойманной во время нереста (с. 133). Продолжая эту мысль можно добавить, что здесь мог быть ле́дник, или эта яма могла использоваться для ферментации (квашения) рыбы. Однако, несмотря на наличие археологических свидетельств присутствия в глубинных территориях материка морской рыбы и моллюсков, «*жилищные комплексы* в которых бы размещались *домохозяйства*, специализировавшиеся на сборе морских ресурсов, еще не обнаружены» (с. 161). В этом замечании автор не

только констатирует данный факт, но и представляет некую иерархическую жилищно-хозяйственную структуру: «жилищный комплекс» – «домохозяйство». Но согласно многим местам текста диссертации, эти два понятия предстают как синонимы. Например, автор пишет, что «усредненное бохайское домохозяйство можно представить следующим образом. Это малая семья, занимавшая один жилищный комплекс. Размер домохозяйства обуславливался особенностями земледелия, являвшегося основой экономики» (с. 163). Здесь уже другая последовательность синонимов жилищно-хозяйственной структуры. В случае невозможности определения их содержания (отсутствия дворовой инфраструктуры), они вообще заменяются понятием «жилище». На наш взгляд, в данном месте работы, видимо, произошел досадный терминологический сбой случайного характера.

Остановлюсь еще на одном моменте диссертации: демографической характеристике бохайских домохозяйств. А.С. Малышев предлагает реконструировать демографические показатели по трем уровням, которые включают само домохозяйство, поселения и систему расселения. Автор анонсирует три метода определения размера домохозяйства, но приводит только два из них (с. 147), видимо, они являются основными. Это – норма площади пола жилища для одного человека и количество одновременно используемых в хозяйстве сосудов (с. 150). По сути, А.С. Малышев оперирует только площадью жилых построек, а не дворовых комплексов. В принципе, такой подход понятен, люди жили в домах, а окружающее пространство вне их использовали в своей бытовой и производственной деятельности. В диссертации явной зависимости размера жилища и площади двора не наблюдается, потому что домохозяйство как комплекс по археологическим источникам не всегда четко определяется.

Несколько слов о таблице 3.4 (с. 329–334) «Демографическая характеристика жилищ с бохайских памятников Приморья и КНР». В ней учтено 76 раскопанных жилищ с 19 памятников. Определение количества

обитателей построек определено от площади каждого из жилищ и «нормы» на одного человека, равной 3,6 м^2, хотя для небольших жилищ городищ Горбатка, Николаевское I, II, Марьяновское А.С. Малышев предполагает минимальную площадь в 1,8 м^2 (с. 148). После проведенных расчетов, вероятное количество проживающих в каждом жилище, за небольшим исключением, оказывается в виде десятичных дробей (12,19; 11,5; 10,33 человека т.д.). И это не доли от какого-то объема, а люди. Статистика – точная наука, в отличие от нее археология таковой часто не бывает. Нужно было бы, ориентируясь на полученные цифры, показать целое число обитателей каждого жилища (12; 11–12; 10 человек и т.д.). Такая же ситуация с количеством сосудов на одного человека (табл. 3.6). В качестве аналога приведены данные об одном филлипинском домохозяйстве, где не было гончара, в котором в среднем одновременно использовалось 6,4 сосуда и проживало 4,8 человек (с. 151).

Модель экономической деятельности бохайских домохозяйств, предлагаемая А.С. Малышевым, основывается на переселении бохайцев в Приморье из Маньчжурии уже с готовой системой жизнеобеспечения в виде земледелия и животноводства и с устоявшимися элементами материальной культуры. Характер колонизации новых территорий и первоначальный состав переселенцев не обсуждается. Хотя данные по небольшим размерам временных, как считает автор, жилищ с котлованом и очагом, могут свидетельствовать о первоначальных этапах освоения региона. На наш взгляд, сценариев могло быть несколько: сначала появление здесь военизированных контингентов пришельцев, наподобие казаков-землепроходцев на Амуре в XVII в., с дальнейшим приходом сюда массового гражданского населения; нельзя исключать и прямого военного захвата бохайцами этой части Приморья и специального переселения жителей Бохая для его освоения. Экономическая же деятельность бохайских домохозяйств на новых территориях несколько различалась из-за специфики природных экономических зон.

Вопрос о взаимодействии пришлых бохайцев с аборигенным населением этой части Приморья в диссертации не ставится. Единственное, есть упоминание о небохайском населении с побережья Японского моря как о возможных поставщиках морепродуктов (с. 172).

Отмеченные мною отдельные, в некотором смысле критические моменты в диссертации А.С. Малышева носят, скорее, спорный, обсуждаемый характер и еще раз демонстрируют актуальность и сложность выбранной автором темы, о множестве подходов в ее раскрытии и в решении поставленных задач.

Оценивая диссертацию А.С. Малышева в целом, необходимо отметить соответствие ее содержания решению поставленной основной цели и задач исследования. Положения, выносимые на защиту, нашли свое научное обоснование. Работа содержит список архивных данных и научной литературы, которая использовалась при ее написании (306 наименований). Данное количество могло бы быть больше, но в тексте по какой-то причине встречаются ссылки на научные работы, но в списке литературы они отсутствуют. Диссертация также снабжена альбомом рисунков и приложением из таблиц, содержащих различную информацию по теме исследования. Основные результаты диссертации нашли отражение в 6 научных публикациях, в том числе три из них изданы в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК. Автореферат соответствует содержанию диссертации.

По актуальности, новизне и научно-практической значимости диссертация является самостоятельной, законченной научно-квалификационной работой, в которой решена научная проблема на данном этапе ее развития, обладающая важным политическим, социальным и культурным значением.

Работа Александра Сергеевича Малышева «Жилища и домашние хозяйства бохайцев Приморья» согласно пунктам 9–14 «Положения о порядке присуждения учёных степеней» Постановления Правительства РФ

от 24.09.2013г. № 842 (в современной редакции), отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3. – Археология (исторические науки).

Официальный оппонент:
главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Высшего образования «Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук» (ИАЭТ СО РАН),
доктор исторических наук по специальности 07.00.06 – археология

Нестеров Сергей Павлович

05 ноября 2026 г.

Российская Федерация, 630090 Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, 17. Тел. +79137135970. E-mail: gorashapka1@gmail.com

ПОДПИСЬ Нестерова С.П.
05 11 2026
ЗАВЕРЯЮ ЗАВ. КАНЦ. ИАЭТ СО РАН
И.А. КРИЗКОВА